

Соблазней и властвуй

Автор:

Кэтти Уильямс

Соблазней и властвуй

Кэтти Уильямс

Любовный роман – Harlequin #329

Элизабет посчастливилось получить место личной помощницы Джеймса Грейстоуна, престарелого владельца красивого поместья. Она испытывает искреннюю симпатию к старику и с радостью приступает к работе. Но Андреас, крестный сын Джеймса, не доверяет Элизабет и считает ее мошенницей. Он следит за каждым ее шагом, пытается уличить в обмане... А ведь Элизабет и в самом деле есть что скрывать.

Кэтти Уильямс

Соблазней и властвуй

Роман

Глава 1

– Нет, нет и еще раз нет! – кричал Джеймс. – Я бы не смог даже смотреть на эту женщину. Ты заметил, что у нее усы?

Семидесятидвухлетний Джеймс Грейстоун, степенно восседавший в инвалидном кресле у эркерного окна и озиравший обширную территорию своего поместья, даже не пытался скрыть ужас.

– Эта женщина отлично будет смотреться в лагере для новобранцев. Голос у нее как сирена, а телосложение сделает честь любому борцу сумо. Как ты мог даже подумать о том, что я захочу видеть ее рядом.

Выразив свое возмущение, он воззрился на крестника, который стоял прислонившись к стене, убрав руки в карманы и скрестив ноги. Андреас обреченно вздохнул и приблизился к окну. Его взгляд тут же утонул в зеленых лужайках, переходивших в поля и заканчивавшихся рощей, подернутой дымкой. Свет заходящего солнца мягко омывал мирные холмы.

Андреас никогда не забывал, что за все это – землю, великолепный дом, каждую мелочь его жизни, ни одной из которых отец не мог себе позволить, – он должен благодарить старика в инвалидном кресле. Джеймс Грейстоун нанял его отца водителем в те времена, когда иммигранту было непросто найти работу. Он дал пристанище и матери Андреаса. Своих детей у Джеймса не было, поэтому к Андреасу он относился как к родному. Отправлял мальчика учиться в лучшие школы, развивал его таланты.

Андреас был обязан старику всем, но в их отношениях было нечто гораздо большее, чем чувство долга. Андреас искренне любил крестного, несмотря на то что тот был эксцентричен, брюзглив и порой практически невыносим.

Джеймс недовольно ворчал, пока Мария, прислуга, наливала портвейн, который ему пить запретили.

– В нынешнее время просто невозможно найти хорошую прислугу.

Старик сорвал уже не одно собеседование, яростно отвергая саму идею того, что ему нужен уход. Он вообще не любил просить кого-либо о помощи и не терпел, когда ему указывали, что делать, поэтому рекомендации доктора о соблюдении постельного режима игнорировались изо всех сил. Инвалидное кресло Джеймсу тоже не нравилось.

Он сводил с ума медсестер в больнице, а теперь повторял те же трюки с каждой кандидаткой на должность персонального помощника – он наотрез отказывался использовать слово «сиделка».

– Устал от моего общества, Андреас? – поинтересовался Джеймс.

– Устал от чувства полной безысходности, возникающего после каждого собеседования. К нынешнему времени спектр твоих претензий простирается от «слишком хрупкая, чтобы катать кресло», «проявляет недостаточно энтузиазма», «проявляет слишком много энтузиазма, долго не продержится», «кажется подозрительной», «проблемы с личной гигиеной», «слишком толстая» – до «просто не нравится». Да, и не забудь последнее – «у нее усы».

– Замечательно! – триумфально воскликнул Джеймс. – Теперь-то ты наконец понимаешь, в какой непростой ситуации я оказался! – Он сделал огромный глоток портвейна и уставился на крестника, пытаясь предугадать его следующий шаг.

– Леди с усами вполне подходила, – заметил Андреас, игнорируя довольного старика, наслаждавшегося маленькой победой. – Завтра еще четыре кандидатки – но ее я буду держать на примете, имей в виду. Это мое последнее слово.

Андреас не сомневался, что агентство по подбору персонала, с которым они сотрудичали, рано или поздно исчерпает свои ресурсы.

Андреас и так уже две недели не появлялся в офисе. Империи не управляют сами собой, как заметил однажды крестный, а его империя была велика, и управление ею уже превратилось в искусство.

Не то чтобы Андреас особенно возражал против этого. Благодаря уму и таланту он с отличием закончил университет и, отказавшись от помощи Джеймса, решил сам добиться успеха. Какое-то время Андреас играл на бирже, затем, быстро сколотив состояние, открыл собственную фирму – узкоспециализированное издательство. Вскоре он расширил поле деятельности и теперь управлял сетью отелей, расположенных в живописных уголках, тремя медийными компаниями и компьютерной фирмой. Даже финансовый кризис обошел его стороной. Казалось, Андреас был неуязвимым, и его вполне устраивала такая репутация.

Андреас составил компанию крестному за ужином, но мысли его крутились вокруг сделки, которую он надеялся осуществить в ближайшее время. Результатом станет приобретение небольшой компании, занимавшейся фармацевтическими исследованиями. В данной области Андреас был полным дилетантом, но из-за этого идея казалась еще более привлекательной.

Еще стоило подумать о бессмысленном упрямстве старика, отказывавшегося принять неизбежное, а также решить проблему с любовницей, Амандой Феллоус, которая в последнее время была чересчур надоедливой.

– Тебе нужно умерить требования, – произнес Андреас, пока прислуга убирала со стола. Он пристально взглянул на крестного, который заметно пал духом. – Ты не найдешь совершенства.

– Раз уж мы начали давать друг другу советы, – моментально отозвался Джеймс, – я тоже скажу. Найди наконец хорошую женщину.

Андреас ухмыльнулся, зная привычку крестного совать свой нос в личные дела других людей.

– Сейчас я встречаюсь кое с кем.

– Очередная пустоголовая красотка?

Андреас старательно сделал вид, что задумался.

Он поболтал вином в бокале, потом склонил голову и ответил с улыбкой:

– Разве женщине нужны мозги? После тяжелого рабочего дня все, что я хотел бы слышать от представительницы слабого пола, – это «да».

Как и ожидал Андреас, Джеймс рассердился и принялся читать нотации на тему «Пора остепениться, мой мальчик». Но только старик подошел к кульминационному моменту, как раздался дверной звонок, раскатившись по всему дому наподобие церковных колоколов.

Вздрогнув от оглушительного звука, Элизабет пришла к выводу, что звонок идеально соответствует поместью. Ей потребовалось собрать всю свою храбрость, чтобы нажать на кнопку. Если никого не окажется дома, ей придется выбираться отсюда своими силами, потому что такси, на котором она приехала, уже скрылось. Но это не самая серьезная проблема. Других «а что если» было такое огромное количество, что у Элизабет от волнения свело живот.

Она уже закрыла глаза, желая успокоиться, как дверь распахнулась. На пороге стояла невысокая женщина лет пятидесяти. Ее черные волосы были заколоты в тугий пучок, а умные глаза внимательно изучали гостью.

– Я вас слушаю, – произнесла женщина.

Элизабет сглотнула, пытаясь справиться с дрожью. Она потратила кучу времени на выбор подходящей одежды, и сейчас на ней были легкое платье с цветочным узором, кардиган персикового цвета, плоские сандалии. Ее длинные темно-рыжие волосы обычно успешно сопротивлялись попыткам привести их в порядок, но в этот раз Элизабет честно постаралась – заплела их в косу. Если уж ей так и не удалось побороть волнение, то выглядела она, по крайней мере, вполне презентабельно.

– Э-э-э... Я хочу видеть мистера Грейстоуна.

– У вас назначена встреча?

– Боюсь, что нет. Если я не вовремя, я могу вернуться в другое время... – Кажется, в паре миль отсюда на дороге она видела автобусную остановку. Придется немного прокатиться на общественном транспорте, не вышвыривать же снова деньги на такси. Ее пальцы нервно теребили ремень сумочки.

– Вы из агентства?

Элизабет непонимающе уставилась на женщину. Агентства? Какого агентства? Вся информацию о Джеймсе Грейстоуне она почерпнула из Интернета: она знала, как он выглядит, сколько ему лет, знала, что он богат, хотя и не представляла насколько, пока не увидела поместье. Знала, что он вдовец и у него никогда не было детей.

Но она не имела ни малейшего представления ни о каком агентстве.

- Ну... - пробормотала Элизабет, но этот ответ, как ни странно, удовлетворил женщину.

Элизабет пропустили в холл, от вида которого у нее перехватило дыхание. Несколько мгновений она просто стояла и изумленно рассматривала то, что ее окружало. Мощные плиты пола были покрыты огромным и, очевидно, весьма старым ковром, а чуть впереди располагалась величественная лестница, которая наверху разветвлялась и вела в нескольких направлениях. Картины в тяжелых позолоченных рамах выглядели не менее старыми, чем сам дом, и изображали традиционные деревенские пейзажи.

О чем она думала, когда решила сразу сюда приехать? Почему не написала письмо, как это сделал бы любой разумный человек на ее месте? Ей пришлось вернуться к реальности, когда она осознала, что экономка остановилась напротив одной из дверей и вопросительно воззрилась на Элизабет.

- Мистер Грейстоун пьет кофе в столовой. Если подождете немного, я вас представлю. Имя?

- Мисс Джонс. Элизабет Джонс.

Ей пришлось подождать ровно три минуты и сорок пять секунд. Элизабет знала это совершенно точно, потому что постоянно смотрела на часы, чтобы не сойти с ума от страха. Потом экономка снова появилась и пригласила ее в столовую.

Казалось, путь занял целую вечность. Элизабет окончательно запуталась в череде комнат, которые они миновали. Когда же они наконец достигли столовой и экономка тактично испарилась, Элизабет заметила, что в комнате помимо Джеймса Грейстоуна был еще один мужчина, который в данный момент стоял к ней спиной у огромного окна, выходящего в сад.

Когда он наконец оторвался от чарующего вида и обернулся, у Элизабет перехватило дыхание. На несколько секунд она полностью забыла, для чего сюда явилась. Умудрилась даже забыть о том, что нервничает.

Мягкий свет заходящего солнца обрисовывал его силуэт, высокий и тонкий. Он был одет в брюки и рубашку с короткими рукавами и открытым воротом, прекрасно сочетавшиеся по цвету. Он не походил на англичанина, возможно, был смешанных кровей: его кожа отливала бронзой, глаза были темными, волосы – цвета воронова крыла. Его стройная фигура внушала страх и одновременно притягивала.

Только спустя несколько секунд Элизабет осознала, что мужчина так же оценивающе разглядывает ее, а Джеймс Грейстоун с интересом наблюдает за ними обоими.

Элизабет отвела взгляд, ощущая себя так, словно только что пережила внезапный и незапланированный заезд на американских горках со сверхзвуковой скоростью.

– Мисс Джонс? Не помню, были ли вы в списках агентства... Чертовы агентства настолько некомпетентны, что ни капли не удивлюсь, если вас там не окажется.

Начинавшее беспокоить Элизабет ощущение некоторой растерянности отступило перед лицом куда более серьезной проблемы: необходимости говорить о цели своего визита.

Джеймс Грейстоун выглядел весьма величественно – с волосами стального цвета, голубыми глазами и манерами человека, с детства привыкшего к роскоши. Он сидел в инвалидном кресле – этого Элизабет тоже не знала.

В присутствии незнакомого и властного мужчины Элизабет было сложно привести мысли в порядок и превратить их во что-то, напоминающее членораздельную речь. Конечно, ей хотелось произвести другое впечатление, пока же она напоминала выловленную рыбу.

– Где ваше резюме? – спросил Андреас.

Видимо, агентство окончательно исчерпало ресурсы, раз начало присылать кандидатов, неспособных связать двух слов. К тому же девушка густо покраснела и вцепилась в свою сумочку с видом утопающего, хватящегося за спасательный круг.

– Андреас, дай же человеку хоть слово сказать! Кстати, этот властолюбивый молодой человек – мой крестный сын. Даю вам разрешение его игнорировать.

Игнорировать? В данной ситуации совет казался столь же бесполезным, как если посоветовать пловцу с открытой раной игнорировать плавающую вокруг него акулу. Но Элизабет решительно повернулась спиной к инквизитору и смущенно приблизилась к пожилому мужчине в кресле.

– Простите, – пробормотала она, – но боюсь, что у меня нет с собой резюме. – Она опустила на колени перед инвалидным креслом и взглянула Джеймсу в лицо, покрытое сеткой морщин, но не утратившее своей величавости. – Вы в инвалидном кресле. Что с вами случилось? Если, конечно, вы не возражаете, что я спрашиваю.

В комнате на мгновение повисла тишина, затем Грейстоун расхохотался:

– Ну, по крайней мере, вы не боитесь задавать вопросы! Встаньте, моя дорогая.

Элизабет послушалась, и пожилой мужчина осмотрел ее с головы до пят, словно лошадь, выставленную на торги.

– Простите, – прошептала она. – Наверное, вы считаете меня ужасно грубой. Моя матушка была больна последние два года и не могла с этим смириться.

– Простите, что вмешиваюсь... – Голос Андреаса прозвучал холодно и спокойно. Андреас встал рядом с крестным отцом, пристально глядя на Элизабет. – Значит, без резюме. И то, что мой крестный в инвалидном кресле, явилось для вас неожиданностью. Что, бога ради, вам сказали в агентстве, мисс...

– Джонс. Элизабет. – Элизабет ощутила, как кровь прилила к щекам – она была абсолютно уверена, что он прекрасно помнит, как ее зовут. Очевидно, Андреас вознамерился защищать своего крестного от ее любопытства, она ему не понравилась, и он был достаточно бесцеремонен, чтобы открыто это показать. – Я... я не работаю с агентством.

– Что ж. В таком случае позвольте мне обрисовать ситуацию. Вы услышали об этом предложении от друзей друзей ваших друзей и решили приехать сюда,

чтобы посмотреть, не удастся ли вам попасть на интервью, не потрудившись даже договориться о встрече. Я прав?

Он обрушил на нее всю силу своего недовольствия и теперь наблюдал, как ее лицо сперва покрывает мертвенная бледность, а потом краска стыда. Она выглядела как невинная маленькая девочка, но вполне могла оказаться волком в овечьей шкуре. Андреас не собирался доверяться подозрительной незнакомке. Джеймс богат, а богатые привлекают авантюристок. По крайней мере, тех, что из агентства, проверяют на добропорядочность, – Андреас лично приложил немало усилий, чтобы тамошние менеджеры полностью осознали важность подобной проверки. Так что ушлой девчонке не удастся просочиться в обход правил.

Элизабет молчала, широко распахнув зеленые глаза и нервно закусив нижнюю губу.

– Андреас! Прекрати пугать бедняжку, – произнес старик.

Андреас подавил возглас недовольства. Джеймс, прогнавший уже кучу кандидатов за какие-то несуществующие недостатки, оказался покорен непонятно откуда взявшейся девицей.

– Я ее не пугаю, – неприязненно произнес он. – Я просто пытаюсь разобраться, есть ли у нее хоть какие-то рекомендации.

– А-а, рекомендации-шмекомендации! По крайней мере, у нее нет усов.

Элизабет хихикнула, и Андреас метнул в ее сторону испепеляющий взгляд.

– И у нее, кажется, есть чувство юмора. А вот твое, мой дорогой крестник, куда-то подевалось. В общем, – заключил Грейстоун, – мне она нравится. В отличие от всех предыдущих, кстати.

– Веди себя благоразумно!

– Кажется, я начинаю себя плохо чувствовать. – Он взглянул на Элизабет, развернувшись в своем кресле так, чтобы быть с ней лицом к лицу. – Вы наняты.

Когда можете приступить?

– Джеймс!

– Андреас, что там доктор говорил по поводу стресса? В данный момент я испытываю серьезный стресс благодаря твоему бесполезному упрямству. Думаю, мне пора отправляться в постель. Дорогая, – обратился он к Элизабет, – я буду просто счастлив, если вы согласитесь приступить к своим обязанностям. – Он сочувственно ей улыбнулся. – Мне нелегко пришлось в последнее время. После инсульта я потратил много времени на поиски помощницы, которая избавила бы моего крестника от тяжелой ноши присматривать за мной.

Элизабет улыбнулась тому, как ловко Грейстоун умудрился выставить своего крестника в самом нелестном свете.

– Я буду рада принять это предложение, – смущенно ответила девушка и с удивлением заметила на лице старика выражение радости и облегчения.

– Благодарю вас. Андреас посвятит вас в детали. Господь не забудет вас за то, что вы сделали слабого и больного старика счастливым.

С этими словами Грейстоун покинул комнату. Элизабет услышала, как он громогласно зовет какую-то Марию, а затем – торопливые шаги по ступенькам. Медленно и неохотно Элизабет повернулась к Андреасу. В присутствии Грейстоуна ей худо-бедно удавалось его игнорировать, хотя она всеми фибрами ощущала его присутствие. Теперь же ей пришлось наконец взглянуть на него.

– Что ж, поздравляю. Вы наняты, – иронично заметил он.

Элизабет обескураженно наблюдала, как он обходит ее, словно хищник, готовящийся наброситься на свою добычу. Он двигался бесшумно и грациозно, и Элизабет чуть было не вскрикнула, когда он резко остановился прямо перед ней.

– Теперь приступим к собеседованию. Возможно, вы решили, что мой крестный – слабый противник, но поверьте, со мной подобный номер не пройдет. Следуйте за мной. – Андреас развернулся и зашагал, уверенный, что она послушается. Так

она и поступила. – Направо. – Он взглянул на Элизабет, когда они добрались до гостиной – еще одной впечатляющей комнаты с драпировками на стенах и огромным камином. – Сядьте.

– Может быть, вы прекратите раздавать указания, мистер...

– Андреас. Надеюсь, у вас хватит таланта запомнить это с первого раза.

– Я с радостью отвечу на любые вопросы. – «В пределах разумного», – добавила она про себя. – Я здесь не для того, чтобы создавать проблемы.

– Замечательно. Значит, мы быстро найдем общий язык. Однако должен предупредить вас, что, если я случайно выясню, что вы не та, кем кажетесь, я самолично прослежу, чтобы вас вздернули на ближайшем телеграфном столбе.

– Вы говорите ужасные вещи.

– Что ж, можете считать меня ужасным.

– А прочим кандидатам на эту должность вы тоже угрожали?

– Все прочие кандидаты четко придерживались правил. Сперва агентство проверяло всю их подноготную, а затем они приходили сюда с полным чемоданом рекомендаций. А вы влетаете в дверь, услышав об этом краем уха от друзей друзей, без резюме, да и рекомендаций у вас, я полагаю, нет. Впрочем, поправьте меня, если я ошибаюсь.

Элизабет никогда еще не сталкивалась с таким человеком. Этот мужчина был невероятно красив. Все в нем привлекало внимание – начиная от идеальной фигуры и заканчивая четкими линиями профиля. Такой, как он, легко выделяется в любой толпе, – Элизабет задумалась, не в этом ли причина его бесцеремонности. Андреас привык приказывать, ему даже в голову не приходит задуматься об элементарной вежливости. Сейчас он строго взирал на нее, и Элизабет пришла к выводу, что он ей очень и очень не нравится.

Ну уж нет, ему ее не отпугнуть! Ей пришлось приложить много усилий, чтобы сюда попасть, и никто не заставит ее упустить эту возможность.

– Ну? – бросил Андреас. – Хоть какие-то рекомендации у вас есть? – Он приблизился, на секунду заколебался, затем сел рядом с ней на диван.

– Я – квалифицированный секретарь, – начала Элизабет. – Мой начальник, мистер Риггс, с удовольствием предоставит мне рекомендацию.

– Где вы работали?

– В Восточном Лондоне.

– Компания?

Элизабет принялась сбивчиво рассказывать, чем именно она занималась в небольшой адвокатской конторе «Риггс и сын», находившейся неподалеку от аэропорта, но Андреас поднял руку, прервав ее на полуслове:

– Не обязательно рассказывать историю компании со дня основания. Скажите лучше, зачем вам покидать офис и становиться сиделкой.

К этому вопросу Элизабет не была готова. Но поскольку нужно было отвечать, она неразборчиво пробормотала нечто в духе того, что ей хотелось перемен.

– Говорите громче, – приказал Андреас, – я ничего не слышу.

– Вы меня нервируете!

– Замечательно. Поверьте, это абсолютно нормальная реакция. Теперь, пожалуйста, глубоко вдохните и внятно объясните мне, зачем вам эта работа.

– Ну... у меня хорошо получается присматривать за людьми. – Элизабет нерешительно подняла взгляд. Андреас нахмурился и постарался не обращать внимания на то, что ее глаза были самого чистого и прозрачного зеленого цвета, какой он когда-либо видел. – Я заботилась о своей матери два года, перед тем как она умерла. Наверняка многие сочли бы такую жизнь тяжелой, но мне так не казалось. Мне приятно было за ней ухаживать. Старые люди достойны заботы.

– Отсюда следует вопрос: если подвиги сестер милосердия кажутся вам столь привлекательными, почему бы вам просто не сделаться сиделкой?

Взгляд его темных глаз сбивал ее с толку. Она понимала, что вряд ли произвела благоприятное впечатление. Элизабет еле могла усидеть на месте, ее лицо пылало.

– Ну же, мисс Джонс! – нетерпеливо произнес Андреас. – У вас собеседование, а вы не можете и двух слов связать. Как, скажите, я должен убедиться, что вы осилите работу? Мой крестный хоть и в инвалидном кресле, но его сознание работает на полную мощность. А что я должен подумать о вашем интеллекте, если вы не можете произнести пару простых предложений? Нужно внимательно следить за его диетой, а еще он должен выполнять специальные упражнения. Ни то ни другое его не устраивает, и он регулярно протестует и стремится избавиться от опеки. Похоже, с вами ему легко будет справиться, если вы так и будете прикидываться серой безвольной мышкой. Кстати говоря, может, именно поэтому он вас и нанял?

Элизабет ощутила, как ее захлестывает ярость. Серая безвольная мышка? Да как он смеет вот так сидеть и лениво изрекать все это, хотя совсем ее не знает?

– Также возможно, что вы его покорили своими длинными ресницами и невинным видом, но будьте уверены, на меня все это не действует. И сдается мне, вы находитесь как раз на старте вашей карьеры авантюристки.

– Вы не имеете права обвинять меня в...

– Будьте уверены, имею. Я соблюдаю интересы моего крестного и не собираюсь доверять некой барышне непонятно откуда, у которой нет ничего, кроме симпатичной мордашки и умения убедительно краснеть.

Элизабет собрала в кулак разбежавшиеся по закоулкам разума крупички храбрости и поднялась, искренне мечтая стать выше.

– Я не хочу вас слушать. Мне не нужны деньги вашего крестного. Наверняка вы видели множество гораздо более квалифицированных людей, но я полагаю, что, если мистер Грейстоун решил дать мне шанс, он сделал это неспроста.

- Вы полагаете?

Элизабет не знала, что ей ответить на этот вопрос, произнесенный холодным тоном. Ее мать недавно умерла, и в компании ей дали длительный отпуск, который она собиралась использовать, чтобы съездить в Сомерсет и познакомиться с Грейстоуном. Она не ожидала найти его в таком состоянии, но теперь ей стало известно, что ему требуется сиделка, и у нее появился шанс что-то для него сделать.

- Не знаю. - Ссутулив плечи, она обреченно уставилась на свои сандалии.

- От чего умерла ваша мать? Она должна была быть сравнительно молода.

Перемена темы была неожиданной, и Элизабет недоуменно посмотрела на него.

- Это вопрос без подвоха, - сухо произнес Андреас. - Можете не обдумывать ваш ответ. Просто откройте рот и скажите хоть что-нибудь и не делайте такое лицо, словно вас принуждают пройти по горячим углям.

Чувствуя себя лягушкой, которую препарировали, Элизабет, запинаясь, заговорила. Ее мать два года страдала раком крови. Она несколько месяцев игнорировала симптомы, потому что боялась врачей и больниц, и поплатилась за это. Рассказывая, Элизабет расстраивалась все больше. Наконец она не смогла сдержать слез и принялась рыться в сумке в поисках носового платка, но тут Андреас сунул ей в руки свой.

- Простите... - пробормотала Элизабет. - Мы с мамой были очень близки. По сути, у нее никого не было, кроме меня...

Андреас отвернулся и подошел к окну. Элизабет размышляла, стоит ли вернуть мокрый насквозь платок его законному владельцу или лучше незаметно спрятать его в сумочке, отложив их воссоединение до лучших времен.

Андреас никак не отреагировал на историю Элизабет. Это ее не удивило, но странным было другое: она была благодарна ему за молчание. Она слишком устала от фальшивых соболезнований.

– Хорошо, – твердо произнес Андреас. – Поступим так. Вы наняты, но находитесь на испытательном сроке. И упаси вас бог забыть об этом хоть на минуту – я неустанно буду за вами наблюдать. Не реже двух раз в неделю вы будете присылать мне отчеты о состоянии моего крестного отца, и я надеюсь увидеть прогресс, особенно в той части, что касается упражнений. Кроме того, Джеймс много лет работает над мемуарами. Ваши секретарские навыки ему пригодятся, так что готовьтесь их использовать.

Элизабет с благодарностью кивнула, зачарованная силой его обаяния. Андреас мог быть обжигающе холодным, издевательски снисходительным, изматывающе насмешливым и откровенно невежливым, но во всем этом присутствовало некое невыразимое притяжение.

Андреас пощелкал пальцами у нее перед лицом:

– Тук-тук, есть кто дома? Вы меня слышите?

– Прекрасно слышу.

– Хорошо. Мои люди завтра свяжутся с вами по поводу контракта. В нем будет учтен месяц испытательного срока – имейте в виду, что испытательный срок назначил я, а не мой крестный. В конце этого месяца вы либо останетесь работать, либо уйдете, не задавая никаких вопросов. Ясно?

– Ясно.

– Когда вы можете начать?

– Сейчас же, – быстро ответила Элизабет на случай, если он передумает. – Хотя все мои вещи в Лондоне, в однокомнатной квартире, где я живу...

– Однокомнатная квартира? Они еще существуют?

– Очевидно, да, раз уж я живу в одной из них. Я могу вернуться сюда с вещами, скажем...

– Назовите адрес. Ваши вещи привезут завтра к обеду, и я беру на себя все расходы.

– Вы уверены?

– Никогда не задавайте мне этого вопроса, – высокомерно произнес Андреас. – Я всегда уверен. А сегодня вы где остановились?

– В гостинице. Не слишком фешенебельной, но я не могла...

– Подробности необязательны. Жду вас завтра ровно в десять утра. Вопросы есть? Нет? В таком случае, – он развернулся на каблуках и направился к выходу, – Мария вызовет вам такси.

Дверь за ним захлопнулась, и Элизабет осталась сидеть, ощущая себя выжатой как лимон. На самом деле она и не могла встать, потому что у нее дрожали ноги. Ни в каких даже самых смелых мечтах она не могла бы этого вообразить, но все к лучшему. Она закрыла глаза и спокойно вздохнула – в первый раз с тех пор, как ступила на порог этого дома.

Ужасно, конечно, что Андреас непременно должен был стать частью истории, но даже эта ложка дегтя казалась незначительной по сравнению с тем, что ей выпал столь редкий шанс наконец познакомиться со своим отцом.

Глава 2

Элизабет мало знала о своем отце. Практически ничего. С раннего возраста она уяснила, что этой теме лучше не касаться. Единственное, в чем она была уверена, – это то, что унаследовала от него темно-рыжий цвет волос, поскольку мать была блондинкой.

Когда Филлис умерла, Элизабет неожиданно получила ответы на все свои вопросы. Разбирая кучу мусора на чердаке, она нашла картонную коробку, где хранились старые письма и фотографии. Полчаса поиска в Интернете – и она узнала о том, что ее отец живет и здравствует в Сомерсете, а его жена умерла

много лет назад.

В возрасте тридцати двух лет ее мать забеременела от мужчины, с которым встречалась. Возможно, она стала мишенью для насмешек. Возможно, ей пришлось выносить сплетни и издевательские шутки людей, которые были рады понаблюдать, как эту сногшибательную блондинку саму сшибет на землю из заоблачных высей. Как бы то ни было, имя отца Элизабет навсегда было забыто.

Это, однако, не означало, что Элизабет не попытается собрать хоть какие-то кусочки мозаики. Докопавшись до сути, она долго и тяжело раздумывала, а потом приняла спонтанное решение поехать и познакомиться с этим человеком.

Она не представляла, что будет делать и говорить при встрече, но для начала ей просто хотелось уехать из Лондона. Последние два года она провела, заботясь о матери и при этом много и напряженно работая, стараясь обеспечивать их обеих. Когда Филлис умерла, Элизабет и сама была похожа на зомби. Возможность вырваться из тесной квартирки стала для нее чудесным подарком.

Единственное, чего Элизабет делать не собиралась, – это вламываться в дом Джеймса и заявлять права на наследство, тем более что у нее было всего одно доказательство – небольшая пачка писем, надежно спрятанная под стопкой белья в комод, словно часовая бомба.

Несколько недель пролетели незаметно, пока Джеймс и Элизабет притирались друг к другу. Им удалось установить связь на каком-то глубинном уровне. Его раздражительность смягчалась ее спокойствием, а годы заботы о больной матери закалили Элизабет и приучили с терпением относиться к капризам инвалида, который вовсе не желает быть инвалидом. Разница заключалась в том, что Джеймс активно шел на поправку, в то время как состояние Филлис все время ухудшалось.

Их отношениям очень помогало то, что Элизабет интересовалась жизнью Джеймса, любыми мелочами, и ему это нравилось. Кроме того, она была крайне снисходительна к его промашкам, что нравилось еще больше.

Когда она собиралась сказать ему правду? Элизабет хотела дождаться удачного момента, но он все не наступал. Как Джеймс это воспримет? Не подвергнет ли

шок его жизнь опасности? И как он потом станет к ней относиться?

Элизабет страдала при мысли о том, что он может заподозрить обман. Она пыталась придумать, как объяснить ему ситуацию, и ум заходил за разум. Поэтому большую часть времени Элизабет притворялась перед самой собой, что проблемы не существует. Возможно, она почувствует, когда тот самый день придет.

Элизабет приблизилась к окну своей комнаты, чтобы насладиться захватывающим видом на поля и лужайки. Для человека, который вырос в городском беспорядочно застроенном районе, где дома теснились как сельди в бочке, все это казалось просто раем.

Увы, этот рай омрачало не одно лишь чувство вины. Порой Элизабет начинала думать, что ее тайна – ничто по сравнению с Андреасом, который умудрялся оказывать свое ужасающее воздействие, даже находясь в Лондоне, за сотни миль отсюда.

Она должна была ежедневно отчитываться перед ним по электронной почте, и это бы еще ничего – но в дополнение к отчетам он еще звонил и допрашивал ее, как инквизитор, жаждущий отправить ведьму на костер. Его вопросы изобиловали тысячами ловушек, в которые она неизменно попадалась, и миллионами тонко завуалированных оскорблений. Он никогда не забывал дать ей понять, что по-прежнему подозревает ее в корысти, даже несмотря на то, что доверился ей достаточно, чтобы вернуться в Лондон к своему изматывающему образу жизни.

Элизабет, нахмурившись, отправилась в ванную. У Джеймса сейчас сиеста, и в это время она отдыхала. Обычно принимала ванну, гуляла в саду, валялась с книжкой или писала электронные письма. Одной из первых вещей, которыми ее здесь снабдили, был ноутбук. «Это самый удобный способ коммуникации, – сообщил Андреас в своей наводящей ужас бесстрастной манере. – Я ожидаю, что вы будете ежедневно сообщать мне о состоянии моего крестного и прогрессе в лечении. А если у вас будет личный ноутбук, вы не сможете отговориться тем, что забыли». Элизабет даже боялась представить, что с ней будет, если она вдруг пропустит день: голову с плеч – сразу пришло на ум.

Иногда Андреас приезжал. Его визиты были довольно частыми и довольно часто неожиданными и всегда оставляли у Элизабет ощущение катастрофы. Андреас обладал талантом сделать свое присутствие одновременно незаметным и навязчивым. Как ему всегда удается задать именно тот вопрос, который иголкой застревал у нее в мозгу, вызывая нервный и беспокойный зуд? Он устремлял на нее свои темные глаза, она чувствовала головокружение и начинала бессвязно лепетать.

В конце концов Элизабет нашла выход и избрала своей тактикой скрытность. Например, при первой же возможности она отправлялась в город под предлогом прогулки по магазинам (которые на деле не интересовали ее ни в малейшей степени), а по возвращении тут же шла принимать ванну. Ужиная с мужчинами, она старалась быть максимально незаметной, съезживаясь, когда Джеймс начинал петь ей хвалы, и с облегчением выдыхая, когда наступало время с извинениями удалиться спать.

Стоило Элизабет задуматься об Андреасе, как в ее сознании стали возникать все новые и новые неприятные картины, и даже горячая вода не смогла в полной мере их прогнать.

Размякшая и покрасневшая, она вышла из ванной, накинув халат на голое тело, и неожиданно обнаружила героя своих грез, в расслабленной позе скучавшего в дверях ее комнаты. Это было настолько неожиданно, что Элизабет несколько раз моргнула, уверенная в том, что это галлюцинация, вызванная ее живым воображением. И тут галлюцинация произнесла:

– Я стучал.

Элизабет густо покраснела и испепеляла его взглядом, пока он раздраженно не покачал головой. Он лениво двинулся в глубь комнаты, прикрыв за собой дверь, что заставило сердце девушки бешено заколотиться.

– Что вы здесь делаете? – не своим голосом произнесла Элизабет, нервно следя за каждым его движением.

Андреас никак не мог решить, веселит его ее испуг или раздражает. Впрочем, ее и до этого нельзя было заподозрить в теплых чувствах. Но он же постучал! А коль скоро никто не ответил, он мог спокойно войти. Андреас все равно не

собирался позволять ей прятаться до тех пор, пока она не со благоволит выглянуть из норки – а это случилось бы только к вечернему чаю.

– Я хотел видеть вас, – произнес Андреас, – поэтому намеренно выбрал время, когда Джеймс отдыхает. Вы польщены? – Он с любопытством оглядел комнату. – Знаете, я столько лет жил здесь, а в этой спальне впервые. Довольно мило, только многовато пастельных тонов. И эта кровать с пологом... У Портии был прямо-таки талант выбирать безвкусицу. – Закончив инспекцию, он наконец обернулся к ней.

– Что вам нужно? – спросила Элизабет, изо всех сил пытаюсь не думать о том, что у нее под халатом ничего нет.

– Как вам здесь нравится? – любезно поинтересовался Андреас, подойдя к эркерному окну и непринужденно присев на подоконник. – Мы так много говорили о Джеймсе и о том, как он идет на поправку, но почти не обсуждали лично вас.

– То есть вы вломились ко мне в комнату, чтобы спросить о том, нравится ли мне здесь работать? – Элизабет почувствовала прилив гнева: это было уже чересчур.

– Я никуда не вламывался. Я вежливо постучал и вошел, поскольку не дождался ответа. Если вы так переживаете по этому поводу, в следующий раз закройте дверь на замок.

– Я бы так и сделала, если бы знала, что вы поблизости, – пробормотала Элизабет.

– На самом деле ваша удовлетворенность работой – лишь одна из вещей, которые я хотел бы обсудить.

– И каковы же остальные? – Элизабет моментально забыла про халат, сосредоточившись на предмете разговора.

– Я был бы не против побеседовать прямо здесь, – лениво произнес он. – Но вам, вероятно, хочется переодеться. Я подожду в кабинете.

Она глубоко вздохнула, чтобы унять сердцебиение, и сдержанно кивнула.

– И даже не вздумайте оттягивать этот момент до пробуждения Джеймса. Или будить его самостоятельно, чтобы он вас сопровождал.

– Мне бы это даже в голову не пришло. Думаете, я не понимаю, насколько Джеймсу важен своевременный отдых?

– Конечно, вы это понимаете, – медовым голосом произнес Андреас. – Но я заметил, что в его отсутствие вы обычно не появляетесь. Словно вам неприятно мое общество. Хотя, возможно, я просто цинично отношусь к людям.

– Вне всякого сомнения, – произнесла Элизабет, и Андреас воззрился на нее в недоумении. – Вряд ли кто-то осмеливается вам это говорить, но вы и впрямь циничны. А это не самая приятная черта характера.

Джеймс как-то раз рассказал ей о личной жизни Андреаса – о «пустоголовых красотках», как он называл его друг. Элизабет пришла к выводу, что Андреас ведет себя на любовном поприще так же, как и в делах, и никогда не остается с одной и той же женщиной достаточно долго, чтобы дать ей повод на что-то надеяться. Что же это, как не неприкрытый цинизм?

– Значит, не самая приятная черта? – повторил Андреас ее реплику.

Он давно пришел к выводу, что дипломатия не была ее сильной стороной, но такая откровенность задела его.

– Ну, некоторые считают, что все в порядке, – поспешно добавила Элизабет, возведя глаза к потолку с видом великомученицы.

– В общем, жду вас в кабинете через пятнадцать минут, – произнес он, чтобы не дать ей ни малейшей возможности пуститься в какие-нибудь еще пространные рассуждения, в которых сам черт ногу сломит.

Слово «тупик» было ей неизвестно, но это не мешало ей загонять в него Андреаса столь успешно, что члены совета директоров его фирмы позеленели бы от зависти.

В последний свой приезд Андреас невзначай упомянул, что собака чуть не попала ему под колеса, и весь оставшийся обед был вынужден выслушивать гневную обличительную речь, в которой говорилось о том, что скоростные автомобили опасны для окружающих и при этом совершенно необязательны, поскольку с гораздо меньшей скоростью можно доехать из точки А в точку Б, не сбивая при этом ни в чем не повинных животных. К вящему удовольствию Джеймса, контраргументы не достигли цели, а Андреас, тем же вечером сев за руль, осознал, что двигается с черепашьей скоростью и внимательно приглядывается к обочине, не желая нанести еще больший вред местной фауне.

Таким образом, на первый взгляд застенчивая барышня была не прочь иногда и привлечь к себе внимание. Но в его присутствии продолжала прикидываться неловкой. Над этой загадкой он ломал себе голову несколько дольше, чем ему хотелось бы.

Пожалуй, он бы не слишком удивился, если бы Элизабет, вопреки его инструкциям, укрылась в своей комнате. Но ровно через пятнадцать минут после того, как он спустился в кабинет Джеймса, налил себе кофе и уселся за рабочим столом, в дверь постучали.

Элизабет переделалась в одно из своих бесчисленных платьев с цветочками, которые были идеальны в летнюю жару, но совершенно не отличались одно от другого. Поверх бесформенного платья она нацепила длинный, почти до пола, кардиган.

– Я распечатала отчет, – произнесла она, нерешительно протягивая ему два листа бумаги.

– Вы полагаете, я собираюсь тратить время на чтение, если вы вполне способны пересказать мне это устно? – Он указал ей на стул напротив и положил руки на стол.

– Хорошо. Вчера мы с Джеймсом ходили в город. Я подумала, что ему будет приятно. Там есть замечательная чайная в одном из переулков, – но я проследила, чтобы Джеймс не уклонялся от диеты. – Она остановилась, ожидая комментария, но Андреас молча смотрел на нее. – Он... он подумывает вступить в клуб игроков в бридж. Один из его друзей, милый пожилой джентльмен по имени...

– Мы собирались поговорить о вас, – мягко перебил Андреас. – И о том, как вам нравится работать у моего крестного. Вы, похоже, отлично поладили. Прямо скажем, судя по его отзывам, вы просто идеальны.

Элизабет тепло улыбнулась, и Андреас невольно поразился, как эта улыбка преобразила ее лицо, превращая его из ничем не примечательного в... Он вздрогнул и заставил себя сконцентрироваться.

– Я просто счастлива, что мне удалось познакомиться с мистером Грейстоуном... с Джеймсом. Он потрясающий человек. Вы спрашиваете, как мне здесь нравится... Положа руку на сердце, я должна сказать, что просто в восторге.

Андреас повелительно поднял руку:

– Я уловил идею. – Он сжал пальцы и серьезно посмотрел на Элизабет. – Я не ожидал, что вы продержитесь этот месяц. Джеймс невероятно умен и может быть очень упрям, если захочет. Он не переносит людей, которые не могут ему соответствовать, а ситуация, в которой он физически ограничен в своих возможностях, – по сути, поставлен в зависимое положение, – лишила его остатков терпимости. Я полагал, вы выбросите белый флаг еще до того, как успеете окончательно разобрать вещи.

Что-то в его словах заставляло Элизабет ощутить тревогу. У Андреаса и так был миллион возможностей узнать все, что ему нужно, так зачем же устраивать допрос сейчас?

– Я вас поздравляю. И Дональд Риггс присоединяется к моим поздравлениям. Если помните, вы когда-то работали на него. – Андреас откинулся в кресле, внимательно за ней наблюдая.

Элизабет недоуменно моргнула, а затем опустила взгляд и стала пристально изучать собственные ладони:

– Конечно, я помню. Правда, не понимаю, зачем вам понадобилось лично с ним разговаривать. Вы просили рекомендацию – вам ее отправили по почте.

– И она была хвалебной. Просто сияла позитивом. Не понимаю, как они справляются без вашего энтузиазма и коммуникабельности. – Он взял со стола листок, в котором Элизабет с ужасом узнала злосчастную рекомендацию, и зачитал наугад пару предложений, судя по которым Элизабет была незаменимым членом команды. – Знаете, получив эту рекомендацию, я на нее сначала даже не взглянул. Вы уже здесь освоились, Джеймс был доволен; это была простая формальность. – Он протянул лист Элизабет. – Прочтите-ка и скажите мне, что вы об этом думаете.

– Я крайне благодарна мистеру Риггсу за столь лестный отзыв, – рассеянно ответила Элизабет, в третий раз пробегая глазами текст и пытаюсь понять, что за подвох скрывается за намеками Андреаса.

– И все?

– А что еще вы хотите услышать? Зачем вам эти кошки-мышки? Почему бы прямо не сказать, что вам нужно? Я знаю, вы меня недолюбливаете, но нельзя же вести себя настолько низко.

– Когда я наконец прочел это, у меня сложилось впечатление, что мистер Риггс полагает, будто вы собираетесь работать на меня. Скорость печати, способность брать на себя ответственность, деловое общение с клиентами и так далее. Вы понимаете, к чему я клоню?

– Это именно то, чем я занималась в компании. Что еще он должен был написать?

– Для начала поменьше о навыках печати и побольше о ваших личностных качествах. Я вообще удивился, что он посчитал нужным упомянуть об этом, – если, конечно, вы обратились к нему за рекомендацией на работу сиделки. Такое ощущение, что мистер Риггс находился в некотором заблуждении по поводу вашей будущей должности. Вы не согласны?

– Я надежный и эффективный работник. Разве не эти качества были вам нужны?

Андреас проигнорировал этот комментарий. Вопрос его, по сути, был риторическим.

– Я подумал, будет полезно лично пообщаться с мистером Риггсом.

Элизабет ничего не сказала. Все как всегда – «прямой» разговор оказался полон скрытых ловушек и подводных камней.

– Вы молчите. Неужели вам не интересно?

– Ну, вы же мне все равно скажете.

– Верно, – признал Андреас без тени раскаяния в голосе. – Ну так вот. Ваш бывший босс понятия не имел, что вы ищете работу в Сомерсете. Вы взяли отпуск после смерти матери и отправились в Сомерсет по каким-то делам. Он не знал, что это были за дела, но был уверен, что о работе речи не шло. Более того, он, скорее, полагал, что вам нужно с кем-то повидаться.

Кажется, наступило время поговорить начистоту. Признаться Андреасу, что она приехала познакомиться со своим отцом. Она представила реакцию Андреаса. Этот человек не признавал полумер и полутонув, видел жизнь в черно-белом цвете. Он расценит нежелание сказать правду как непростительную ложь, подлежащую самому суровому наказанию. И не позволит рассказать ни о чем Джеймсу. Хотя бы потому, что не захочет волновать его такими новостями, опасаясь за его здоровье. Наверное, он ее просто сразу же выставит. Или позволит дожидаться полного выздоровления Джеймса? И сколько времени останется ждать?

Андреас прервал затянувшееся молчание, произнес ангельским голосом:

– Скажите, как вам удалось услышать об этом месте, находясь в Лондоне? И зачем было скрываться? Почему бы просто не сказать Риггсу, что вы собираетесь уволиться и заняться чем-то другим?

– Я вас не понимаю.

– Ну же, признайтесь.

Элизабет прижала ладони к лицу и глубоко вздохнула:

– Я действительно хотела сменить обстановку. И приехала сюда, чтобы повидаться с мистером Грейстоуном, поскольку действительно о нем слышала. – В общем-то все, что она говорила, было правдой, но ее угнетала необходимость выбирать из этой правды только те лоскуты, которые подходили к общей картине. – Я не хотела говорить об этом мистру Риггсу, поскольку не была уверена, вернусь я к старой работе или нет. Не хотела сжигать мосты. Когда я попросила дать мне рекомендацию, я не упомянула, для какого рода должности. В общем-то я даже не с ним об этом говорила. Он был на совещании, я обратилась к Каролине, секретарше. Дала ей адрес и попросила отправить на него рекомендацию.

– Почему мне кажется, что вы о чем-то умалчиваете?

– Потому что вы подозрительны по натуре. И, похоже, никогда не слышали о таком понятии, как презумпция невиновности.

Элизабет закрыла глаза и закусил губу, собираясь с силами, чтобы не расплакаться. Андреас ненавидит слабаков и может выгнать ее вон просто за демонстрацию эмоций. Но, увы, она слишком перенервничала, и доводы рассудка не помогали. Элизабет почувствовала, как по разгоряченной коже скатилась слезинка.

– Извините... – еле слышно пробормотала она.

Андреас не мог решить, как поступить. С одной стороны, он привык доверять собственным ощущениям, которые в один голос кричали, что что-то здесь не так. С другой – он умел отличать подлинные эмоции от любых других, а неискренне плачущих женщин он в своей жизни видел достаточно. Их слезы были способны высохнуть в мгновение ока, а здесь, насколько он мог судить, запасы были бесконечны. Он обошел стол и протянул ей свой носовой платок. Она взяла его, не поднимая глаз, хотя ему слышались сдавленные извинения. Андреас облокотился на стол, ожидая, пока Элизабет приведет себя в порядок.

– Я не такой уж монстр. И иногда позволяю себе усомниться. – Он попытался вспомнить, когда это было в последний раз, и не смог.

Элизабет с надеждой посмотрела на него и сказала:

– Я никогда в жизни не причинила бы вреда Джеймсу. И не собираюсь пользоваться его слабостью. Я знаю, вы именно об этом думаете.

– Вы понятия не имеете, о чем я думаю.

– Знаю, что ни о чем хорошем.

– Это просто смешно.

– Просто поверьте, я здесь не ради денег. Я не мошенница.

– Даже несмотря на то, что вы бедны?

– Это, конечно, избитая истина, но за деньги не купишь счастья.

– Не понимаю, как мы докатились до бесед об этом. – Андреас внезапно выпрямился: кажется, эти огромные зеленые глаза чуть было не растопили его сердце. – Я позволю себе капельку сомнения, но только по той причине, что ваше исчезновение может нанести большой вред Джеймсу. Он к вам привязан, а сейчас ему и так непросто. Я даже боюсь представить, как бы мы стали искать вам замену, особенно если ваш уход нельзя было бы логически объяснить.

Элизабет слабо улыбнулась и дотронулась до его руки – на что он отреагировал недовольным взглядом.

– Я вас не разочарую.

– Уверен в этом, и вот почему.

Об этом Андреас размышлял долго. Даже если она преследует какие-то грязные цели, он узнает об этом только в том случае, если поймает ее за руку – что, как ни крути, маловероятно. И в текущей ситуации тайком ее выгонять, а потом объясняться перед Джеймсом совершенно невозможно. Остается только одно – усилить контроль. Телефонных звонков и электронной почты явно недостаточно. В конце концов, в свободное от написания отчетов время ей никто не мешает, например, рыться в банковских счетах. Он отмахнулся от внутреннего голоса, твердившего, что это совершенно нелепое предположение: с каких это пор он

стал попадаться на женские штучки? Жизнь с самого начала научила его не судить о людях по одежке.

Он гляделся в ее милое овальное личико, пухлые губы, приоткрытые в ожидании, огромные невинные глаза, еще блестевшие от слез.

– Я возвращаюсь в Сомерсет.

Глава 3

«Возвращается в Сомерсет? – Элизабет была шокирована. – Разве он не живет в Лондоне?»

– Вы ведь живете в Лондоне.

– Элизабет, вы что, не поняли? Теперь я буду жить здесь. – Андреас вернулся на свое место и откинулся в кресле, заложив руки за голову. Его глаза светились удовлетворением.

– Значит, вы возвращаетесь в Сомерсет. – Элизабет не могла в это поверить.

– Похоже, вы удивлены.

– Вы будете следить за каждым моим шагом. А сказали, что попробуете доверять мне.

– А я и пытаюсь. Именно поэтому вы все еще здесь.

Элизабет укоризненно на него посмотрела и принялась теревить носовой платок:

– И вы собираетесь рискнуть своим бизнесом только ради того, чтобы посмотреть, чем я здесь занимаюсь и не строю ли каких-нибудь козней?

– Я ничем не рискую, – возразил Андреас. – Когда Джеймса только выписали из больницы, я прекрасно вел дела отсюда. Этот дом достаточно велик. В офисе, конечно, все как на ладони, стоит только нажать кнопку. Но возможности Интернета велики! Некоторые мои служащие частенько работают на дому. Я прогрессивный работодатель.

Элизабет совершенно растерялась. И как, спрашивается, она сможет не попадаться Андреасу на глаза, если он постоянно будет рядом? А если она пойдет в город за покупками, он что, тоже отправится с ней? Будет подслушивать под дверью ее комнаты? Выскакивать из-за каждого угла, как охотник из засады? Она поежилась и вдруг осознала, что Андреас уже давно что-то вещает.

– Прошу прощения?

– Вам придется отучиться от этого.

– От чего?

– От манеры не слушать, когда я с вами говорю! И от односложных ответов. – И то и другое невероятно его раздражало.

– Я вас слушаю. Я просто задумалась о том, как будет странно, если вы приметесь всюду ходить за мной по пятам.

– С чего это вы взяли, что я собираюсь ходить за вами по пятам? – спросил Андреас со скептической улыбкой. – Я, конечно, готов к тому, чтобы вскоре сюда переехать, но не собираюсь бросать работу и тратить все свое время на вас.

Вскоре?

– Вы разве сможете так быстро сюда перебраться? А как же ваша империя? – выдавила Элизабет.

– Мой бизнес – не пиратский корабль, и на нем не случится бунта, если я не буду ежедневно отмечать время прихода на работу, – сухо произнес Андреас.

– Да, но...

– Простите за банальность, но выражение ужаса на вашем лице не наполняет меня чувством всепоглощающего доверия.

– Но я действительно в ужасе, что вы постоянно будете рядом! – выпалила Элизабет. – Вы мне не нравитесь. В вашем присутствии я начинаю нервничать.

– Совершенно не обязательно хорошо ко мне относиться, – сообщил Андреас сквозь зубы. – Собственно, моему плану даже пойдет на пользу ваше отношение. Однако не стоит реагировать на меня как черт на ладан.

Элизабет не могла представить, кем же нужно быть, чтобы не стремиться нравиться людям. Это же самое естественное из человеческих желаний. Впрочем, Андреас вообще не похож на других.

– Вашему плану, вы сказали? – Она посмотрела на него, ожидая новых шокирующих откровений.

– Я все ждал, когда же вы наконец осознаете смысл моих слов. – Он театрально вздохнул, взял со стола перьевую ручку и немного покрутил ее в пальцах, прежде чем наконец взглянуть на замершую в ожидании Элизабет. – Возможности Интернета велики, но они конечны, – с грустью произнес он. – Компьютер не может заменить настоящего вышколенного секретаря. Кто-то должен разбирать отчеты, отвечать на ненужные звонки, делать записи, в конце концов, приносить кофе... – Он сделал паузу. – В общем, этим займетесь вы.

– Ни за что.

– Бросьте. – Андреас отложил ручку и внимательно посмотрел на Элизабет.

Многое казалось странным: разговор с бывшим начальником Элизабет, паника, отразившаяся на ее лице, когда он заговорил о переезде... С другой стороны, если бы ей было что скрывать, она бы постаралась поумерить эмоции. Если уж она приехала в Сомерсет, чтобы познакомиться с Джеймсом, втереться в доверие и затем, к примеру, выкрасть фамильные драгоценности, она должна была бы проделать это хладнокровно.

Авантюристы могут надевать любые маски – что верно, то верно, – но все же они меркантильны. Вряд ли они стали бы тратить время на походы по антикварным магазинам в компании вздорного старика – а Элизабет проделывала это регулярно. Или отказываться от самых лучших блюд ради того, чтобы попробовать приготовить что-то по старинным рецептам из поваренных книг, которые Джеймс в большом количестве хранил в кухонном шкафу. Беседовать с садовником о растениях или просто сидеть под деревом с книгой. Возможно, это была хитрость совершенно иного уровня – настолько изощренная, какой Андреас не мог себе даже представить.

– Я не могу работать на вас. Я работаю у мистера Грейстоуна. Я, конечно, пишу для вас отчеты, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/ketti-uilyams/soblaznyay-i-vlastvuuy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)